

От редакции оригинального издания

На достижения выдающихся личностей можно смотреть с разных точек зрения. Каждую такую личность возможно оценивать под углом индивидуального развития, исторического влияния или неуловимого коллективного воздействия, выражаемого обычно в определении «дух времени» (*Zeitgeist*). Юнг уделял особое внимание важнейшим культурным движениям в истории человечества, прежде всего алхимии, ибо они, по его мнению, восполняли дух времени или вырастали из него, а еще его немало интересовал творческий дух, который проявил себя в столь непохожих друг на друга областях, как медицина, психоанализ, востоковедение, изобразительное искусство и литература. Статьи о Парацельсе, Фрейде, синологе Рихарде Вильгельме, Пикассо и «Улиссе» Джойса объединены в настоящем издании в качестве наглядного отражения приведенных выше утверждений; в двух других работах литературные произведения обсуждаются вне связи с личностью и психологией конкретных авторов. Источник научного и художественного творчества обнаруживается в архетипической структуре, в первую очередь в динамике «духовного архетипа», и данный факт составляет основу всех статей, вошедших в настоящий сборник.

Эта книга выходит в свет на десятый год после смерти К. Г. Юнга и является десятой по порядку в собрании его сочинений. Увы, минувшее десятилетие печально отмечено

уходом из жизни всех тех, кто первым приступал когда-то к редакционным трудам: Лена Гурвиц-Эйснер умерла 4 января 1965 г., Марианна Нихус-Юнг — 15 марта того же года, а первый издатель собрания сочинений Альберт Рашер — 5 июня 1969 г. Первого августа того же года, почти два месяца спустя, скончался Франц Риклин, психиатр и врач, лично отобранный Юнгом и включенный в состав редколлегии.

После закрытия издательства «Rascher Verlag» мы продолжили работу над собранием сочинений с издательством «Walter Verlag» и с нетерпением ожидаем выхода первых томов, подготовленных этой целеустремленной и перспективной компанией. Хочется надеяться, что читатели, собирающие полное собрание сочинений К. Г. Юнга, не станут сильно возражать против некоторых изменений во внешнем оформлении издания.

Еще раз благодарим фройлен Марию Луизу Аттенхофер за тщательную подготовку именного и тематического указателей.

*Редакция,
Рождество 1970 г.*

I

Парацельс

Доклад, прочитанный в доме, где родился Парацельс, — в Айнзидельне (кантон Швиц) в июне 1929 года по приглашению Литературного клуба Цюриха. Первая публикация: «Lesezirkel» (Цюрих), XVI, 10 сентября 1929 г. Первая книжная публикация: «Wirklichkeit der Seele» (Цюрих, 1934 г.), отдельно напечатано в Санкт-Галлене в 1952 г.

¹ Замечательный человек по имени Филипп Ауреол Бомбаст фон Гогенгейм, известный как Теофраст Парацельс¹, родился в этом доме 10 ноября 1493 года. Будучи средневекового склада мышления и наделенный живым интересом к мирозданию, он, пожалуй, счел бы само собой разумеющимся, если бы мы, проявляя уважение к обычаям тех дней, бросили взгляд на положение солнца в миг его рождения. Тогда солнце находилось в знаке Скорпиона, а этот знак, согласно древней традиции, благоприятен для врачей, для людей, занимающихся ядоварением, и для целителей. Управитель² Скорпиона — гордый и воинственный Марс, дарящий сильным доблесть и мужество, а слабым награждающий сварливым и вспыльчивым нравом. Весь ход жизни Парацельса вполне соответствовал этим обстоятельствам его рождения.

² Опуская взоры долу, с неба на землю, на которой он был рожден, мы видим родительский дом в глубине

¹ Парацельс взял этот псевдоним в знак уважения к древнеримскому знатоку медицины Авлу Корнелию Цельсу. Paracelsus — букв. «приближенный к Цельсу» (лат.). — *Примеч. пер.*

² В астрологии управитель — планета-«хозяин» того или иного знака зодиака. Различают реального и символического управителей (или соуправителей). В данном случае автор не совсем корректен: правильнее говорить о Марсе как соуправителе, а основным управителем Скорпиона считается Плутон. — *Примеч. пер.*

уединенной и пустынной долины, над которой нависают мрачные леса и которая окружена суровыми могучими горами, что замыкают собой коварные склоны с избытком оврагов и расщелин вокруг меланхолического Айнзидельна. Величественные пики Альп вздымаются угрожающе близко, и здесь мощь природы наглядно затмевает волю человека; живая и грозная, она повелевает и подчиняет, не предполагая сопротивления. Здесь природа заведомо сильнее человека, и никто не может от нее убежать: стальные воды, непоколебимые скалы, корявые деревца с торчащими среди камней корнями и отвесные утесы — все рождает в душе каждого местного жителя страсти, не поддающиеся искоренению, вселяет в сердца характерное швейцарское упрямство, твердость, прямоту и ту гордость за себя, которую можно истолковывать по-разному; в благоприятном ключе — как уверенность в себе, а в неблагоприятном — как угрюмое самодовольство. Некий француз однажды отметил: «Le Suisse est caractérisé par un noble esprit de liberte, mais aussi par une certaine froideur peu agreable»¹.

³ Отец-Солнце и Мать-Земля, похоже, больше причастны к становлению характера Парацельса, нежели его кровные родители. По отцовской линии, это нужно отметить, Парацельс был не швейцарцем, а швабом, приходился сыном Вильгельму Бомбасту, незаконнорожденному потомку Георга Бомбаста из Гогенгейма, великого магистра ордена рыцарей святого Иоанна². Рожденный под сенью Альп, на лоне более могущественной земли, которая, несмотря на упомянутое происхождение, сделала его своим отпрыском, Парацельс явил-

¹ «Швейцарец привержен благородному духу свободы, но также ему свойственна менее приятная отчужденность» (фр.). — *Примеч. ред.*

² Имеется в виду немецкий «филиал» (бальж) ордена, располагавшийся в маркграфстве Бранденбург. — *Примеч. пер.*

ся в мир с нравом швейцарца — в полном соответствии с тем неведомым законом топографии, что управляет человеческими судьбами.

⁴ Мать Парацельса была родом из Айнзидельна, больше о ней сказать нечего. Зато об отце, с другой стороны, известно многое, причем довольно отрицательного свойства. Он забрел в деревню как целитель — и поселился в этом отдаленном месте на пути паломников¹. Имел ли он право, рожденный вне брака, носить благородное имя своего отца? Можно лишь догадываться о тех чувствах, что обуревали внебрачного ребенка: одинокий, угрюмый, лишенный первородства, он наверняка вынашивал обиду на родину в уединении лесистой долины, но жадно внимал при этом, не переставая тосковать, паломникам с их рассказами о мире, к которому ему не суждено было вернуться... Светская жизнь и мирские удовольствия были у него, что называется, в крови, однако их пришлось похоронить. Смею сказать, ничто не воздействует сильнее в психическом выражении на окружающую человека среду, в особенности в детском возрасте, чем та жизнь, которую родители не сумели прожить. Словом, мы вправе допустить, что отец оказывал сильнейшее влияние на молодого Парацельса, а тот впоследствии стал вести себя совершенно иначе.

⁵ С отцом его связывала крепкая любовь — быть может, единственная настоящая любовь в его жизни. Только об отце он вспоминал с любовью. Столь верный и преданный сын всегда будет заглаживать вину своего отца. Отцовские смирение и тоска превратятся у такого сына во всепожирающее честолюбие. Отцовские же обида и неизбежное ощущение своей неполноценности сделают сына мстителем за унижение отца. Он поднимет

¹ Деревня находится поблизости от Айнзидельнского аббатства, которое с конца I тыс. н.э. является центром паломничества (там находится один из образов так называемой черной мадонны). — *Примеч. пер.*

меч против всякой власти и ринется сражаться со всем, притязующим на *potestas patris*¹, как если бы то был противник его отца. Утраченное отцом, то, от чего пришлось отказаться — успех, славу, привольную жизнь в большом мире, — сыну предстоит отвоевывать заново. По трагическому закону судьбы, он и сам будет вынужден рассориться со своими друзьями, поскольку к тому понуждает роковая привязанность к единственному настоящему другу — отцу, ведь душевная эндогамия сопряжена с тяжкими наказаниями.

⁶ Как часто бывает, природа скверно подготовила Парацельса к такому поприщу. Ни намек на героический облик, достойный бунтаря; рост всего около полутора метров, нездоровая одутловатость, слишком короткая верхняя губа, едва прикрывающая зубы (нередкий отличительный признак нервических натур), и почти женственный костяк, столь поразивший всех очевидцев, когда в девятнадцатом столетии его останки эксгумировали в Зальцбурге². В одном предании даже утверждается, что он был евнухом, хотя, насколько мне известно, никаких подтверждений этому не имеется. Так или иначе, романтические чувства, по-видимому, никогда не вплетали свои розы в его земную жизнь, и он не нуждался в их шипах, так как и без того сызмальства отличался колючим норовом.

⁷ Едва достигнув возраста, в котором полагалось братья за оружие, этот маленький человечек пристегнул к поясу меч — тот был для него слишком велик, но он редко позволял себе расстаться с этим мечом, ибо в ша-

¹ Отцовскую власть (*лат.*). — *Примеч. ред.*

² Эксгумацию провели в 1812 г., причем выяснилось, что Парацельса, судя по трещине в черепе, насильственно лишили жизни. — *Примеч. пер.* Парацельс скончался 24 сентября 1541 г. в Зальцбурге, где его и похоронили на кладбище при богадельне Св. Себастьяна, как пишет Якоби в комментариях к изданию избранных сочинений Парацельса. — *Примеч. ред. оригинального издания.*

ровидном навершии прятал пилюли с лауданумом, свой истинный секрет. В таком вот виде — наверняка вызывая усмешки — он отправился покорять мир; удивительные и опасные путешествия заводили его то в Германию, то во Францию, то в Италию, то в Нижние земли¹, то в Данию, то в Швецию и Россию. Эксцентричный чудотворец, можно сказать, второй Аполлоний Тианский², он, как гласят легенды, странствовал по Африке и Азии, где раскрывал величайшие тайны. Он не посещал регулярных занятий, так как подчинение любому авторитету было для него табу. Этот человек сделал себя сам (*selfmade*), он придумал для себя удачный девиз «*Alterius non sit, qui suns esse potest*»³, меткое и подходящее для швейцарца выражение. Обо всем, что выпадало на долю Парацельса в его бесконечных странствиях, нам остается лишь догадываться, но вовсе не исключено, что эти события беспрестанно воспроизводили историю, случившуюся в Базеле. В 1525 году, уже прославившись как врач, он прибыл в Базель по призыву городского совета, причем последний проявил в этом случае редкое здравомыслие (подобное происходит порой в ходе истории рода людского, о чем говорит и назначение молодого Ницше⁴). Вообще призвание Парацельса состоялось при достаточно малоприятных обстоятельствах, ибо Европа в ту пору страдала от беспримерной эпидемии сифи-

¹ То есть в историческую область в нижнем течении и в дельтах рек Рейн, Шельда и Маас. Эта область охватывала территорию, соответствующую современной Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и (частично) северной Франции. — *Примеч. пер.*

² Древнегреческий философ, мистик и чародей; о нем и чудесах, которые он творил, уже в древности слагались многочисленные легенды. — *Примеч. пер.*

³ «Не должен принадлежать другому тот, кто может принадлежать себе» (*лат.*). — *Примеч. ред.*

⁴ В возрасте 24 лет Ницше, который еще не закончил обучение в университете, пригласили на должность профессора классической филологии в Базельский университет. — *Примеч. пер.*

лиса, разразившейся после Неаполитанской кампании¹. Парацельс занял должность городского врача, но вел себя неподобающе, по мнению местного университета и почтительной поначалу публики. Ученых он возмутил тем, что читал свои лекции на «языке конюхов и поварят», то есть на немецком², а публика негодовала на то, что он расхаживает по улицам не в мантии, как это полагалось ему по статусу, а в рабочей куртке. Среди коллег он считался самым ненавистным человеком в Базеле, а его медицинские трактаты беспощадно критиковались. Он был известен как «бешеный бык» и как «дикий осел из Айнзидельна». Парацельс расплатился с недругами сполна, извергая на них потоки непристойной брани (увы, поистине прискорбное зрелище).

⁸ В Базеле судьба нанесла удар, немало омрачивший его жизнь: он потерял друга и любимого ученика, гуманиста Иоганна Опорина³, который подло предал учителя и снабдил его врагов новым оружием. Впоследствии Опорин пожалел об этом своем поступке, но было уже поздно и ущерб не поддавался исправлению. Впрочем, все это нисколько не смягчило высокомерия и непокорности Парацельса; напротив, из-за предательства ученика он стал вести себя еще строже. Вскоре он вновь отправился странствовать и в путешествиях жил преимущественно бедно, нередко опускаясь до нищенства.

⁹ Когда ему исполнилось тридцать восемь лет, случилась характерная перемена, отразившаяся и на его сочине-

¹ Эпизод Второй итальянской войны (1499–1504), совместное нападение французов и испанцев на Неаполитанское королевство. — *Примеч. пер.*

² То есть не на благородной латыни, как полагалось уважающим себя и общество ученым мужам. — *Примеч. пер.*

³ Швейцарский ученый, книжник и печатник; среди прочего опубликовал первый перевод Корана на латынь и фундаментальный медицинский труд Везалия «О строении человеческого тела». — *Примеч. пер.*

ниях, в числе которых, наряду с медицинскими трактатами, стали появляться философские. Быть может, слово «философский» не вполне передает суть этих духовных сочинений; правильнее называть их «гностическими». Вообще, подобная примечательная психическая перемена обыкновенно происходит после прохождения середины жизненного пути, ее можно описать как обращение психического потока вспять. Лишь изредка такое подспудное изменение направления чувств проявляется на поверхности, для большинства людей оно, как и все прочие важные события в жизни, остается за порогом осознания. У могучих же умов оно предстает в форме преобразования интеллектуальной рассудительности в своего рода спекулятивную, или интуитивную, духовность, как было, например, с Ньютоном, Сведенборгом¹ и Ницше. У самого Парацельса напряжение между противоположностями духа было не столь выраженным, но все же достаточно заметным.

¹⁰ Теперь, когда мы кратко описали внешние условия и перипетии его личной жизни, настала пора обратиться к Парацельсу как к человеку духовному, и тут мы вступаем в мир идей, будто бы необычайно темный и загадочный для наших современников, которые в целом не обладают специфическими знаниями о позднесредневековых умонастроениях. Прежде всего Парацельс, хотя и высоко ценил Лютера, умер добрым католиком — по истине диковинное противоречие его языческой философии. Вряд ли следует думать, что католицизм был для него всего-навсего стилем жизни. Полагаю, вероисповедание было для него чем-то совершенно непонятным, над чем он никогда всерьез не задумывался, иначе у него непременно возникли бы затруднения как с церко-

¹ Э. Сведенборг — шведский естествоиспытатель, натурфилософ и христианский мистик, утверждал, что вступал в мысленные контакты с жителями других планет. — *Примеч. пер.*